

Лев Младич

Исповедь пациента

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лев Младич

Исповедь пациента

<https://litres.ru/74039943>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тридцать три года. Вроде массажист. Вроде никто. Но хотя бы никто — без обмана. Не то что раньше, когда я был "кем-то" для таких же "никого".

Пол грамма вещества для профилактики от онкологии. Да взойдёт химическое солнце над моим личным хосписом рез пару часов.

Клиенты, бывшие жёны, мёртвые друзья, живой цинизм. Всё это — попытка успеть понять: где мы, зачем и для чего. Пока солнце не село. Пока пишется

Содержание

Предисловие	4
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Лев Младич

Исповедь пациента

Предисловие

Ну здравствуйте. Это я Лёвчик. Мне тридцать три года. Настаиваю акцентировать ваше внимание на этой цифре. Настаиваю с упрямством новоявленного пророка — потому что именно сегодня, в возрасте Христа, я начал это писать. Жанр этой писанины мне непонятен. Грешить против истины не буду: я не разбираюсь ни в литературе, ни в писательском ремесле. По крайней мере, не являюсь эрудитом в этой области. Назову это «Дневником одного пациента». Так точнее.

И да похуй...абсолютно похуй, что через месяц мне стукнет тридцать четыре. Извиняюсь за нецензурные выражения, но раз уж это произведение автобиографично, тем более написанное в годы Христовы — от чего это даже больше, чем какие-то мемуары себялюбивых, мягко говоря, не совсем здоровых на голову политических деятелей.

Это «откровение», написанное именно в тридцать три года, что придаст ему некую овеянность тайной: быть может божественной, быть может дьявольской,

ну или быть может психиатрической. Про приближающийся тридцать четвёртый год мы с вами договорились. Этот факт будем благоразумно умалчивать перед маркетологами и издателями. Пусть мир думает, что озарение снизошло на меня не с нихуя, а именно в сакральные тридцать три. Что я, так сказать, начал великое служение человечеству.

А до этого, лишь только и пытался, что прокрутить на хую, всё это, так называемое человечество — в ответ на то, как усердно вертело меня оно само. Кто из нас начал первым, уже и не упомнить. Но сегодня, сидя в своём бывалом немецком авто у ломбарда с целью сдать золотой браслет, со мной что-то случилось. Раз — и накатила гармония. Просветление. Прямо вот здесь, в конце из запаха бензина и кожи ягнёнка.

Женщина в ломбарде оказалась на удивление приятной. Я такого не ожидал. Ломбарды для меня — это навсегда триггер дежавю. Лёвчик-подросток, ждущий с друзьями по наводке «клиентов» этих заведений Но об этом потом.

Кстати, браслет оказался гораздо дешевле впечатлений, которые он производил на определённый тип людей. Каковых к глубочайшему сожалению большинство, уж тем более в прошлой жизни Лёвчика. Собственно, как и машина: стоимость её была всё же дешевле образа для той же самой категории людей. Производит впечатление

чатление, как женщина в провинции, трижды побывавшая замужем, с детьми на пороге пубертата, но всё ещё «огонь» для большинства мужиков своего городка.

«Понт дорожке денег». Вот она, внутренняя провинция. Бессознательный лозунг, приобретённый всеми нами где-то в глубоком детстве, где-то в хрущёвских подъездах. Безусловная потребность заполнения бездонного колодца своей значимости в глазах других. Казаться, а не быть. И что самое интересное — это довольно часто работает, но только во вне.

Причастие

Ёбаный звонок будильника провоцирует кортизоловый приход. Чистый, без примесей ужас. Без причины, без адреса. Просто организм — сигналит: «ТРЕВОГА». И ты ему веришь. Ты всегда ему веришь по утрам.

Телефон. Анжела. Голосовое. Подожди, подруга. Твой жирок и твои ОАЭ подождут. У нас тут прямая линия с лимбической системой. Запросы. Нужно заглушить этот омерзительный старчески-дрожащий бубнёж Татьяны Борисовны. На сегодня старушка, я с тобой прощаюсь.

Хруст блистера. Этот звук. Люблю и ненавижу. Красно-белая капсула. Причастие. Тело Христово во исцеление души и тела. Аминь, блядь.

Запиваю имбирным фрешем. Жгучий. Имбирь, кстати говоря, недооценённо полезен — можно представить,

что ты на детоксе, а не на «системе».

Всё. Дело сделано. Через пару часов химическое солнце взойдёт над моим личным хосписом. Я как раз буду доделывать первого клиента.

2# РАЗМЕР НЕ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ И ПРИМАДОННА С БАРВИХИ

Только начал писать — и уже понял: мир до возраста Иисуса Христа я на своём хую так и не прокрутил. Будь он у меня арийским, гиперборейским, скандинавским — я и рода-то своего не знаю. Будь он мордовским, в конце концов. Не прокрутил.

А вот Иисус — прокрутил.

На секунду отмечу: он же вроде еврей И в еврейском Талмуде есть любопытный момент: про женщину-римлянку, которая, увидев на улице рабби Ишмаэля бен-Йосе и рабби Элеазара бен Шимона с детьми, заявила им: «Это не ваши дети! С вашими прыщевидными пенисами вам до пещеры у женщины не дотянуться».

А вот Помазанник — дотянулся. И ещё как. Вывод прост: размер не имеет значения. По крайней мере, когда речь идёт о попытке выебать человечество.

Да-да, то самое человечество. Тот самый род людской, к которому мы все причастны. Какое же у нас прошлое? Это ж просто ахуеть. И всё это прошлое — оно с нами. В нас. В генах, в голове. Мы недооцениваем травми-

рованность рода людского. Так много сегодня психологов и психотерапевтов, но ни один из этих бездарей и шарлатанов так и не вынес диагноз этому миру.

Вся наша история, на мой обывательский взгляд, — это проигранная партия в «визави» с той самой нищиеанской «бездной», которая поглотила нас уже как давненько. Старина Нищие, кстати, тоже усердно пытался выебать этот мир, за что и подхватил сифилис. А в попытках вынести диагноз человечеству и донести до него смыслы — старина ёбнулся сам окончательно.

Наше человечество сегодня, если глянуть свысока, с колокольни небесного психиатра-нарколога, — словно побитая девка. Та, что перенесла миллиарды абортотворений от бывших мудаков, миллиарды смертей в результате так называемых «священных войн». А в реальной плоскости — пьяных маргинальных поножовщиц, про которые потом слагаем легенды и ходим с транспарантами победителей. А побеждаем мы, конечно же, как всегда, только себя самих.

Сам я в данный период времени являюсь массажистом. Сам порой удивляюсь: из так называемых движений «по улице», не совсем формальных, хуяк и массажист. Да ещё и в центре Москвы, аж на Патриарших прудах. Не в Пензе, хочу заметить, откуда родом я, а в Москве — на так называемых и распиаренных, ебать их, Патриках.

Вот ведь человек каков: умеет подстроиться в любую среду, главное — когда верит в то, что именно там его место. А я вроде бы периодами научился играть так, что и сам начинаю верить.

Хотя не буду приукрашивать свои способности и умения перестройки. Всё же, если бы не «фарма», как мне кажется, то хуй бы я был массажистом на Патриках. Всё же преодолеть психологический барьер от рядового участника организованной преступности в Пензе до милого, улыбчивого и старательного массажиста в центре Москвы довольно непросто, тем более ближе к тридцати.

Что за «фарма», спросите вы? А я отвечу: разная, законная и не очень. Прямо как мои бывшие жёны и дети. Вообще их много было, и разных всяких. Пробовал, экспериментировал, подбирал комбинации.

Разок что-то пошло не так, и меня в сознание приводила клиентка. Сама она вроде как с Барвихи, мать троих детей, хоть на вид ей было не больше тридцати. Старшему её балбесу — лет двадцать где-то. Поэтому она абсолютно с пониманием, даже с каким-то материнским, отнеслась к тому, что её тридцатилетнего массажиста вдруг посреди процедуры унесло в фармацевтический астрал. Вытащила с пониманием своего специалиста — хлопая по щекам и протягивая стаканчик с водой, смотря на меня своими ангельскими глазами.

Я очнулся, резко встал на ноги. Сделал вид, что так и задумано. Посмотрел на неё взглядом, полным профессионального возмущения: мол, хули ты, женищина, не на кушетке? У нас процедура, а ты раздетая по кабинету бегаешь. Она так ласково посмотрела на меня, с такой добротой и нежностью, что мне трудно описать своё состояние на тот момент. Стояла передо мной, прикрывая обнажённые груди рукой — и вдруг этой же рукой решила погладить меня по голове, как маленького мальчика. Обнажив свои прелести, пусть и имплантированные, но всё же прелести по итогу. Сказала, что сегодня я видимо переработал, и чтобы я как следует отдохнул и восстановился перед следующей процедурой. Я чувствовал себя дитём, юнцом, долбоёбом в её глазах. Не решался и не решился бы на то, чтобы даже уверенно глазеть на её груди. И в то же время кивал ей, делая вид, что и в самом деле соглашаюсь насчёт переутомления, когда как нам обоим было всё понятно.

Поэтому «фарма», быть может, и является костылями, на которых я доковылял с улиц Пензы в кабинет в центре Москвы. Но приходит момент, когда ты просыпаешься в холодном поту, от кошмарного сна, в котором твоя бывшая смывает её в унитаз. И только тогда вдруг, неожиданно нежданно и незаметно, ты понимаешь вот и приехали, парень, что теперь не ты, а «костыли» контролируют тебя. И тот случай с «барвихинской ма-

донной» был одним из звоночков. Я ведь мог и отъехать, а она бы стояла голая над трупом, прописанным в Пензе, да ещё и наверняка бы валявшимся в нелепой позе. Заголовки: «Массажист скончался на рабочем месте». Вот бы мои бывшие порадовались. Но обошлось. Видимо, мой ангел-хранитель, отнёсся с пониманием к своему бедовому подопечному. А быть может, моя миссия здесь ещё не выполнена. Я склоняюсь ко второму варианту. Быть может, эта книга и есть то самое предназначение. Ну в таком случае торопиться некуда.

Только вот блять увы, дьявол не покупает души. Он берёт их в аренду через гордыню, через эго.

И вот этому моему эго или внутреннему голосу или альтер эго, или как ещё назвать этого мудака, — расклад про «торопиться некуда», мягко говоря не по душе. Оно бубнит из подкорки голосом всех моих недругов, бывших женищин, ебучей учительницы Татьяны Борисовны из первой гимназии из шестого класса:

— Слышь, Лёвчик, а ведь ты теперь НИКТО И НИГДЕ. Ни в Пензе, ни в Москве. Ни преступник, ни праведник. Ты как космонавт, который далеко от земли и про которого забыли. Так ещё и нассавший себе в скафандр. Тебе нечем гордиться, кроме своей, как ты считаешь, «ахуительной арийской внешности». Но ты сам всегда считал подобного рода людей ничтожествами, которым больше нечем крыть, раз приходится вспоми-

нать за свою нацию, веру, внешность и размер хуя. Лёвчик, ты сам всё знаешь и понимаешь. Тебе просто удобно это забыть и не понимать.

— Да пошла ты на хуй! Татьяна блять Борисовна, старая проститутка!

Слова затихают. Боль — нет.

И вот снова костыли.

Через примерно час услышал радио, а точнее фразу: — «Выбирай себя, эгоистка» Это как вообще, нахуй? Выбрать себя. Звучит как великое откровение для долбоёбов, которым нужно объяснять, что дышать — это хорошо, а срать — естественно. Миллионы слушают. Пляшут. Думают: «О да, я наконец-то выберу себя, ура, наконец-то». Слушай, дамочка. Я дохуя раз был чьим-то мужем, тираном, абьюзером, нарциссом, деспотом и всеми остальными. Инициатором отношений — никогда. Они хотели быть со мной и были — для себя. Даже больше скажу: выпрашивали смачный подзатыльник — для себя любимых. После чего для себя — просили потомство от меня. А я тоже, представь себе, всё делал для себя. И был с ними — тоже для себя. И выходил из их жизней — для себя. Так что вообще несёт эта пизда? Это я оступел? Или мир? Или что происходит?

Я блять закинул сейчас полграмма обезболивающего, который назначают при крайней стадии онкологии, — ДЛЯ СЕБЯ. Профилактика так сказать от рака. И да-

же так я ахуюваю от этих лозунгов. «Выбирай себя». Ну ахуеть просто. Ну хорошо, мать, как скажешь, хули. Я только и делал, что выбирал себя. А в итоге вот — пишу это. ДЛЯ СЕБЯ.

РАБОТА МЕЧТЫ

Москва. Патриаршие пруды. Вроде массажист, вроде начинающий вот писатель, а вроде и нет никто. Но хотя бы никто — без обмана. Не то что раньше, когда я был «кем-то» для таких же «никого». Булгаков на этом месте залипал на пруд, будучи не хило «нахмуренным». Я же, сижусь быть может, на той же самой скамейке — под более современными костылями прогресс как никак.

Только он видел Воланда. А я вижу: дамочку с маленькой трясущейся собачкой и бегающего по кругу престарелого зожника-творожника. Я и сам в юности профессионально занимался боксом. С друзьями, которые или уже покинули этот мир, или покидают его прямо сейчас — где-нибудь на строгом режиме или на блат-хатах. Мы из той породы, что вымирает, но не сдаётся. Так как вымираем мы быстрее, чем успеваем сказать «сдаюсь».

Но зожником я не был даже тогда. Даже больше: именно благодаря боксу я и познакомился с фармацевтикой.

СТАБИЛЬНОСТЬ. Люди не меняются. Вообще никогда. Ну максимум — могут переодеться или перекра-

сит волосы в какой-нибудь ядовитый цвет. Вот и весь процесс развития. Вот такой вот максимальный личностный рост, ебать его.

У меня «Работа мечты» — частенько слышу от приятелей из прошлой жизни. В нынешней нет ни приятелей, ни друзей — благо. А вот отсутствие врагов — печаль. Если у тебя не осталось врагов, то для тебя, дружище, плохие новости: ты НИКТО. А вот люди, способные мечтать в моём возрасте, пугают. Инфантильностью. Вызывают зависть — детской наивностью. Удивляют — то ли отсутствием толерантности, то ли неспособностью анализировать.

Да, той самой ебучей толерантности. Кому как не мне, знать: толерантность бывает ко всему. Ко всему человеческому. Она, как и все мои бывшие дамы, обесценивает абсолютно всё, чего ты достигаешь и добиваешься. При каждом подъёме сажает тебя на жопу для перекура. И с каждым перекуром ты ахуеваешь всё больше: насколько всё это не имеет смысла, насколько ты уходишь хуй пойми куда от своего счастья. И где оно, твоё счастье. Единственная надежда на то, что ты заблуждался и шёл не туда, и что быть может когда-то, твой навигатор заработает без сбоев.

КАРДИОГРАММА МЕРТВЕЦА

Я закрываю глаза — и вместо трясущейся собачки и глади Патриарших вижу ребристую гранату в детской

ладони.

Девяностые и нулевые были и грязными и кровавыми...но какими же сочными. Сегодня времена не менее грязные и уж тем более не менее кровавые, и это мягко говоря. Но там была амплитуда. Я помню её на ощупь. Мне пять лет, я сижу на полу и кручу в руках ребристую, коричневую гранату из отцовского шкафа. Мне не страшно. Мне интересно.

Я не помню, сколько прошло времени между гранатой и обыском. Может, месяц, может, год. В том возрасте нет времени. Детская память не выстраивает хронологию, она склеивает яркие кадры: граната — люди в форме — подмигивание. Вот я уже сижу в шалаше между диваном и креслом, сверху покрывало, в том углу, где всегда ставили ёлку на новый год, а по квартире ходят люди в форме — громко, много, тяжело. Один заглядывает внутрь. Видит меня. Подмигивает. И уходит. От ужаса до эйфории — одно мгновение. Вот она, амплитуда.

Организованная преступность ушла, оставив неорганизованную бессмысленность. Ушла, выполнив свою функцию, собрав и отмыв кровавые капиталы в одну большую кучу. И сами не поняли, как передали награбленное всё тем же бывшим комсомольцам. И это, как показывает практика, куда страшнее.

Сейчас амплитуда — от лёгкой скуки до средней тревоги. И это не жизнь, это кардиограмма мертвеца. Я за-

стал хвост той эпохи, когда жизнь проверяла на прочность. А теперь жизнь проверяет на усидчивость. И я, блядь, пытаюсь сдать этот экзамен.

Бывало посещал так называемых «специалистов», но довольно трудно воспринимать психологинь с имплантированными лицами всерьёз и без улыбки. Про «выгорания, личные границы и прочую чепуху». Самое дельное, что они могли сделать, это молча выписать рецепт на тот или иной препарат, который мне нужен, МОЛЧА, не пиздеть, не обсуждать, ничего не советовать, чем больше они говорили, тем больше дискредитировали себя, медицину и психологию.

Отец выглядывал в окно, отодвигая занавеску, при звуке каждого автомобиля, въезжающего во двор, а тогда помню, на весь двор было буквально пару авто, у моего отца и у отца друга детства Ашотика «кстати он сейчас сидит». Я помню силуэт отца на фоне окна, помню, иногда он стоял так несколько минут. Я не знал, кого он там высматривает, но знал: что его лучше не трогать.

Помню мать плакала на кухне и обзванивала морги, когда он задерживался на своей «работе». Я видел, как она набирала номер, как менялся её голос — «Скажите, к вам за последние сутки не поступал мужчина» И дальше она называла приметы. Рост. Вес. Наколки. Костюм "Адидас". Кожанная куртка. Я тогда ещё не хо-

дил в школу, но уже знал слово «опознание». Знал слово «морг».

Она сильно любила его. Я даже тогда смог прийти к такому выводу. Несмотря на их регулярные скандалы — каждый раз так, будто в последний. И я видел её лицо, когда он наконец возвращался. Она бросалась на него, а потом замирала, уткнувшись лицом в его куртку. И стояла так минут пять. Он гладил её по голове своей тяжёлой ручищей с золотой печаткой, говоря что-то типа «ну ты что, ебанутая чтоль, не дождёшься». Любовь в девяностые выглядела именно так. Не было розовых соплей. Потому что ставки были настоящие. Потому что в любой момент всё могло кончиться. И эта постоянная близость конца делала каждое возвращение отца — праздником.

БОМЖ

В перерыве между клиентами я часто захожу в соседний двор — на Патриаршие. Только не очень понимаю, почему «пруды», а не «пруд». Видимо, они высохли. Да уж, блядь время не щадит никого, даже пруды. Раньше это место называли «Козье болото». На мой взгляд, гораздо точнее и красивее. Тут же — «скамейка Воланда», в честь романа «Мастер и Маргарита».

Сегодня она занята парочкой фриков неопределённого гендера. Они едят один круассан на двоих и смотрят друг на друга так, как будто Булгаков лично благословил их

союз.

Я сел на свободную, через одну. Лебеди на пруду — белые, надменные, горделивые и тут в кадр въехал он. Не московский «нетакусик»-хипстер в драных по дизайнерскому замыслу джинсах. А самый настоящий, наш, отечественный бомж. С перекошенной походкой, в лохмотьях, которые когда-то, наверное, были одеждой.

Я вспомнил Пензу.

В Пензе на каждый район был свой бомж. И я помню каждого — по сей день. Бомж из детства — это как первая учительница. Только пахнет хуже и не выставляет оценок. Хотя нет — выставляет. Просто ты понимаешь их позже.

Совсем мелкими мы бегали от них, обзываясь и кидаюсь камнями. Чуть подросли — отрабатывали на них удары. Одного даже подожгли. Я до сих пор помню, как он сел на землю — не закричал, не побежал, а именно сел, очень спокойно, как будто всю жизнь ждал, что мы наконец это сделаем. Тогда я в первый раз почувствовал то, чему ещё не знал названия. Сегодня знаю — ёбаный стыд. Тяжёлый, взрослый, без срока давности. Его потушили прохожие. А ещё чуть позже, перешагнув через подростковые годы, мы уже могли и заступиться за них. От такой же шпаны, которой были сами несколько лет назад.

Помню Петю Вилка. Почему «Вилок» — точно не

знаю. Может, из-за наряда: куча рваного тряпья, которое когда-то было одеждой, и поверх всего — длинное коричневое пальто, в котором он напоминал качан капусты. А может, просто из-за фамилии, я не знаю. В Пензе клички прилепают как пластырь: с фамилии, с одежды, в которую тебя нарядили родители, как ты однажды споткнулся у подъезда, или же ткнули лицом в собачье дерьмо во время драки. Я узнал его лет в одиннадцать, когда мы семьёй переехали в дом, который построил отец. От местной шпаны я и услышал историю. Петя был хороший мужик. Водитель школьного автобуса. Тихий, добрый, чисто одет, улыбчивый — как будто речь шла о ком-то, кого больше нет. Его, в общем-то, и не было. Пётр Иванович начал превращаться в Петьку Вилка после смерти жены. Он, видимо, любил её. И вместо того чтобы продолжить жить — или, наоборот, обнулиться быстренько, — он выбрал третий, самый русский вариант: обнуляться долго под воздействием этанола. Одного из самых гадких веществ, существующих в природе.

Его дочь работала продавцом в магазине на нашем районе. Она выгнала Вилка из дома. Петра Ивановича она бы не выгнала, Пётр Иванович, быть может и сам выгнал бы нахуй из своей квартиры и дочь и её ёбыря но Пётр Иванович умер, теперь только Петька. При мне она пару раз выгоняла его из магазина — потому что он

отпугивал покупателей видом и запахом. Я помню, как однажды она вытолкнула его на крыльцо, и он не сопротивлялся, только посмотрел на неё снизу вверх — секунду, не больше. И в этой секунде было всё: и школьный автобус, и её выпуска из роддома, её первый велосипед, и её мать, и тот факт, что он, в общем-то, не виноват, что он просто не справился. А потом он отвернулся и пошёл. И она тоже отвернулась — обратно, к прилавку, к покупателям, к своей жизни, в которой ему уже не было места.

Температура плавления есть у всего. У металла, у пластика, у любви, у семьи, у дружбы, у отцовства, у понятий, принципов, гордости, верности, у человеческого достоинства. У всего. Просто мы не любим об этом думать. Мы любим думать, что есть «настоящее», которое не плавится. А оно плавится. Просто у каждого — своя температура и свой источник тепла. У Пети это была пустая половина кровати.

Московский бомж тем временем доковылял до урны напротив моей скамейки. Не для того, чтобы что-то достать — а просто чтобы опереться. Замер, переводя дыхание. И в этот момент у меня в кармане завибрировал телефон.

Голосовое сообщение: — «Лёйёв, привет, это Анжела, мне Крис тебя скинула, которая с Фили, ну там у которой муж, ну неважно» Бомж оторвался от урны и сде-

лал ещё два шага. — «слушай, у меня прям, прям горит, мне срочно нужен ты, прям срочно-срочно, я понимаю, что у тебя там плотная запись, у меня через неделю ОАЭ»

Причём каждую букву она произнесла по отдельности, прям выделяя каждую. О...А...Э... наверное, чтобы я не спутал с Саранском, Тамбовом, или Ухтой, а именно блять «О!А!Э!» Бомж к этому моменту как раз доковылял ближе к пруду, затем так же медленно развернулся и сел на бордюр. Он сидел и смотрел на лебедей. Я смотрел на него, слушал её и думал: вот сейчас, в один и тот же миг, в одной и той же географической точке планеты Земля — два события. Один человек садится на бордюр у Патриарших, потому что у него больше нет сил стоять. Другой человек, записывается на массаж, чтобы в ОАЭ, хорошо сидело платье. И между ними я Лёвчик — на обезболивающем, которым глушат боль на четвёртой стадии онкологии.

Я встал со скамейки, зашёл в ближайший магазин. Близ магазин оказался «Азбука вкуса» с ахувевшими ценниками, ну да ладно, взял с собой какой-то обед в контейнере, купил бутылку воды, вернулся на пруд, сел рядом с ним на бордюр и молча поставил перед ним еду. Сначала он не шевелился. Потом медленно, как раненое животное, повернул голову. Посмотрел на меня своими выцветшими, мутными, глазами. И сказал: «Спасибо, сы-

нок». Не «мужик», не «брат». А «сын»». Как будто он меня знал. Как будто ждал. Как будто я всю жизнь шёл к этому бордюру на Патриарших, чтобы какой-то бомж назвал меня сыном. И это было лучше любого сеанса психотерапии. Где я был не пациент, а врач. То чувство, когда ты полезен для людей, будь этот бедолага, будь это Анжела, оно как мотивационный бустер для жизни.

А потом ты снова срываешься. Снова врешь. Снова ненавидишь. Снова нюхаешь, глотаешь, вдыхаешь. Снова орешь на того, кто не виноват. Снова разочаровываешь. Снова пропадаешь на месяц, на два, на год. И снова возвращаешься. И начинаешь сначала. И так по ёбаному кругу.

Я вернулся на скамейку и прослушал очередное голосовое сообщение: — «ну ты пойми, я не могу туда вот в этом теле, я просто не могу, я там в прошлом году была в этом же платье, у меня там фотки, у меня там подписчики, ну ты понимаешь. Мне надо минус два по объёмам хотя бы, ну хотя бы минус полтора, ну ты же волшебник, мне так Крис и сказала — он волшебник она сказала — у тебя руки прям золотые, я тебе верю, я в людей вообще верю, у меня знаешь такая чуйка, я прям с первого слова понимаю, наш человек или не наш, и вот ты — наш, прям сразу почувствовала»

Ахуеть «Наш человек». Я чуть не засмеялся вслух. При всей своей чуйке, она не отличила бы «нашего челове-

ка» от хорошо отмытого. А я как раз и есть хорошо отмытый. Костыли работают. Массажист улыбочивый. Руки золотые. С первого слова — наш. — «короче, выручай, плиииз я тебе перевела предоплату уже, жду ответа по окошкам, завтра с 11.00 до 14.00 нужно быть у тебя, прям жду-жду, обнимаю!» Голосовое кончилось.

Я ответил ей, что «Приветик! Буду ждать завтра в 11.00.» Поставил точку. Перечитал. Стёр точку. Поставил смайлик. Отправил. И пошёл обратно — через двор, мимо лебедей, мимо фриков с круассаном, мимо «скамейки Воланда», в свой кабинет. На сегодня были ещё несколько пациентов, для которых я врач.

ПЕРВАЯ ТЕМА И КИРИЛЛ

С Кириллом мы познакомились классе в седьмом. Он тогда был полный. Не «пухленький», не «в теле», а именно полный — с выпирающим животом, из-за которого его дразнили все кому не лень. Его дразнили «жиртрестом», «пузом», «беременным».

Каждый день — одно и то же. И каждый день он дрался. Иногда по два раза. Иногда по три. Я сам видел: он выходил из класса на перемене — и уже знал, что сейчас будет биться с кем-то. И бился. На кулаках. Но уже спустя месяц, перестал заморачиваться и уебал пару человек школьным стулом, после чего их увозили на скорой.

Ну и я сам молодец. Как то раз от нечего делать зашли с ним в старший класс, прям на уроке и Кирилл

устроил конфликт с одним из старшеклассников, учительницы для нас буд-то бы и не существовало, старшеклассник вскочил и бросился на Кирилла, но тут сбоку в челюсть ему прилетело от меня, после чего он упал на задницу, а не лёг и мне пришлось добить его ногой, после чего он отключился и за ним приехала скорая. Ну и менты потом, которые ставили нас на учёт, для нас с Кириллом это было наоборот забавно и весело.

Мы вместе с ним на тот момент занимались боксом, но на тот момент в разных секциях. И вот пришло время объединиться. Объединились.

А потом началось то, что всегда начинается, когда у тебя появляется сила и никакого ума. Нам стало скучно. Нас распирало. Нам казалось, что мы уже всё поняли про эту жизнь. Что мир — это просто место, где сильные бьют слабых. И мы больше не хотим быть слабыми. Так родилась первая «тема».

Возле крупной оптовой базы на окраине города, постоянно парковались фуры. Дальнбойщики — уставшие мужики за сорок, с серыми лицами и сонными глазами. Они ночевали прямо там, в кабинах, чтобы с утра загрузиться и уехать. Место было неохраняемое. Мы это знали, потому что я жил неподалёку. Ну и мы вместе с Кириллом посещали там рядом подвальную качалку.

План был прост. Сначала мы режем им колёса. Несколько ночей подряд. Создаём проблему. А потом при-

ходим и говорим: «Мы можем решить ваши проблемы, нас тут все знают, ну и если будут знать, что мы с вами дружим, то вас и ваши колёса никто впредь больше не тронет» За неделю мы порезали колёса у всех кто вообще там стоял возле организации. Фуры, легковые, мотоциклы, да вообще похую, что было резать. Адреналин, эйфория. Каждую ночь как в дурмане. Напоследок, перед реализацией второго этапа, разбили пару лобовых у каких-то легковушек.

Потом настал вечер, когда мы решили познакомиться с потерпевшими и рассказать им про толпы безбашенных беспредельщиков в этом районе. Которые хуй клали и на бога и на чёрта. И только МЫ, единственные в этом городе, кто вселяет в них страх и ужас.

Мы оделись во всё самое «серьёзное», что у нас было. Кирюха напялил чёрную кожаную куртку поверх водолазки. Я нацепил отцовский синий педжак — мы шли через пыльный пустырь к стоянке, и ветер трепал нам волосы. Мы чувствовали себя режиссёрами этого мира. Теми, кто создаёт среду обитания и историю. В тот момент кстати, я вспомнил, как Кирюха сказал нашей классухе, что она ещё увидит Кирилла со Львом на телевидении. На что та ответила, что не сомневается, что увидит нас в криминальных новостях. Это была Татьяна Алексеевна, преподаватель алгебры. Мудрая женщина на фоне большинства учителей.

Первым нас заметил мужик в синем комбинезоне. Он сидел на подножке своей фуры и курил. Увидел нас — двух пацанов, вышагивающих как по подиуму, — и усмехнулся.

— Мужики, — начал Кирилл. Голос дрогнул. Он это понял и сказал громче: — Мужики! Мы тут по поводу колёс. Вокруг начали собираться остальные. Дальнобойщики — тяжёлые, в мазуте каком-то. Трое. Пятеро. Семеро. Они выходили из кабин, из-за углов, как будто ждали именно нас. И смотрели. Смотрели с каким-то странным выражением на нас.

— Короче — Кирилл набрал воздуха, — тут такое дело. Кто-то режет вам колёса. Всё потому что эти беспредельщики не в курсе, что вы с нами в хороших отношениях это же так?

Пауза.... Долгая....Где-то вдали просигналила электричка.....

— Это же так!? Мужики?? хули вы молчите? А??

— Вы чё блять, пиздюки, вы совсем ебанутые? — выдал какой-то хуеплёт с их стороны. Тут уже подключился я:

— Ау...дядька, ты с кем так базаришь? Меня зовут Лёва, это мой близкий Кирилл, мой брат. Мы с братвой двигаемся, нас знают в городе!

Мой голос дрожал, мне блять нужно было отдышаться, после выдавленного мною предложения. Кирилл

тоже был таков. Мы не ожидали, что этого мужицья безграмотного, будет больше двух десятков, откуда блять!?

— Вы колёса нам резали, суки? — вдруг крикнул кто-то сбоку. — Глянь на них! Дети, бля!

Кирилл посчитал нужным в той самой нашей ситуации, начать предъявлять

— Ты где сук увидел, слышь!?! Чёрт колхозный!

Дальше я помню урывками. Помню, как Кирилл попытался встать в боксёрскую стойку — мы же были боксёрами, мы умели драться, мы тренировались, — и как первый же удар снёс его с ног, будто кеглю. Помню, как я попытался замахнуться тем самым ножом и как кто-то перехватил мою руку с такой лёгкостью, с какой взрослый отбирает у младенца погремушку. Нож выпал.

Потом прилетело в лицо — что-то тупое, рвущееся. Я упал. Сверху сыпались удары. Тяжёлые, взрослые, неспортивные. Били ногами. Били молча, без крика, без азарта — как работу делали. Как будто нас наказывали за сам факт существования. Я слышал, как хрустнуло у Кирилла где-то в районе ребра. Слышал его голос — он не кричал, он хрипел. Я закрыл голову руками и ждал. И длилось это, наверное, целую вечность.

— Запомни, пацан, — сказал какой-то корявый уёбок надо мной. — если ещё раз здесь появитесь, мы вас закопаем. Прямо здесь. Понял?

Кирилл пробормотал что-то типа:

— Пошёл на хуй, пидарас. Вам пизда! Знайте блять! Я не ответил. Я не мог дышать — нос был сломан, во рту железный вкус.

Он подождал, плюнул рядом и ушёл. И все ушли. И мы остались вдвоём. Мы лежали молча. Долго. Мимо проехала фура с целыми колёсами. Где-то лаяла собака.

Кирилл наконец зашевелился, сел, сплюнул кровь и сказал: — Ну и хуй с ними.

И мы засмеялись. Сначала тихо, сквозь боль, а потом в голос. И в этом смехе было что-то такое, чего я до сих пор не могу объяснить.

Мы поняли, что мир — он не злой и тем более не опасный. Он просто интересный. Мир наивен как младенец, по хорошему наивен. А Кирилл... Кирилл лет через пять — шесть будет держать на руках моего сына над купелью. В двадцать он станет крёстным. Но когда я смотрел на него в той церкви, я почему-то вспомнил именно тот вечер. Как мы лежали в пыли. Как он сказал: «Ну и хуй с ними». И как мы смеялись. Наверное, именно в тот момент мы стали братьями. Потому что настоящая дружба рождается не тогда, когда вы вместе кого-то бьёте, а когда вас пиздят — а вы всё равно вместе. И вам всё равно смешно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.